

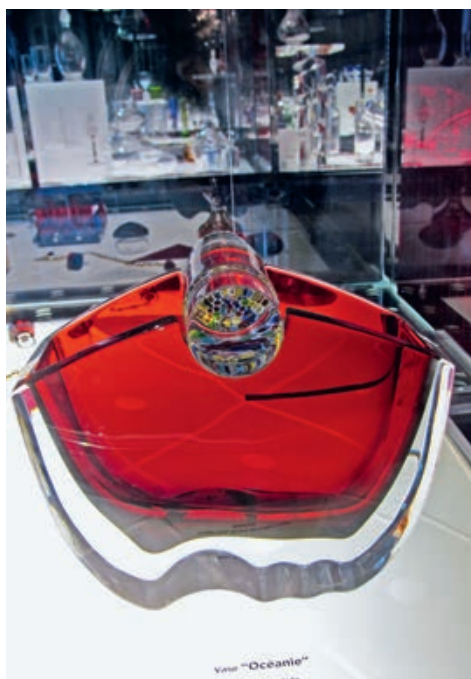

В ПАРИЖСКОМ МУЗЕЕ ВАССАРАТ ХРУСТАЛЬ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТЛИЧНЫМ ВКУСОМ. ТЕПЕРЬ И ЗАПАХОМ

АЛЕКСЕЙ ПАРХАНОВ

ФЛАКОН ДЛЯ НОВЫХ ROUGE 540

сделали в торжественном и увесистом ар-деко по архивному эскизу Жоржа Шевалье, художественного директора Vassarat в 1930-х годах

«КРАСНОЕ ВАССАРАТ», СТЕКЛО РУБИНОВОГО ЦВЕТА, ВЫПЛАВЛЯЕТСЯ С ДОБАВЛЕНИЕМ ЗОЛОТА

АЛЕКСЕЙ ПАРХАНОВ

печах горит газ, а вместо мальчиков-посыльных, бегом несущих стекло от мастера к мастеру, пока оно не остыло, дребезжит старый транспортер, который тоже называется «мальчик». На фабрике адская жара, стеклянная пыль, плакаты по технике безопасности и гигиене труда на каждом шагу, но все равно в пиджаке среди работающих в майках и шортах стеклодувов чувствуешь себя внутри картины Иогансона «На старом уральском заводе». Процесс остановить невозможно, печи не гаснут ни днем ни ночью, как мартеновские на Заречной улице.

Нам показывают место, где находилась так прямо и называвшаяся «русская» печь. Дореволюционная Россия поглощала такое количество французского хрусталя, что до сих пор здесь полагают, что царь с царицей, царевичем и царевнами имели красивую привычку то и дело бросать стаканы через плечо. Первым русским заказчиком в Баккаре считают Александра II. Царь-освободитель приезжал на всемирную выставку в 1867 году и увез в Петербург две дюжины хрустальных канделябров, предназначенных для царицы Марии Александровны. А его внук Николай II во время первого царского визита во Францию сде-

лал заказ на новые канделябры для дворца по последней моде — с электрическими лампами.

Для русского двора Vassarat разработала «Царский сервиз» — настоящий шедевр русского стиля начала века, даром что созданный не нашими, а французскими художниками, стеклодувами и гранильщиками. Эти удивительные бокалы на высоченной ножке из прозрачного и красного стекла (того самого rouge de Vassarat) — не только музейный экспонат. Они до сих пор входят в каталоги.

Нас с Куркджяном проводят по всей цепочке — от ночной до утренней смены. Стеклодувы, гранильщики, резчики, позолотчики — его драгоценный флакон делают, сменяя друг друга, четверо «лучших рабочих Франции» — здешних ударников коммунистического труда. Одиннадцать операций для того, чтобы получилась емкость для 100 миллилитров куркджяновского эликсира. Каждая обойдется в €3 тыс., и недостатка в желающих уже нет.

Духи выпустят к осени, когда в Музее изящных искусств Парижа Petit Palais откроется выставка к 250-летию Vassarat. Здесь ожидают вещи из коллекций Лувра и

Орсе, Музея декоративного искусства и, конечно, из Парижского музея марки, который находится в парижском доме-дворце Мари-Лор де Нуай, писательницы и художницы, графини, богачки и революционерки 1968 года. Десять лет назад его переделывал и декорировал Филипп Старк. Здесь не просто продают хрусталь, здесь на нем ужинают, из него пьют, им украшают интерьер. Теперь в нем появится новый аромат — красной Баккары.

«Кто-нибудь скажет, что это бессмысленная трата сил и времени, — говорит Куркджян, — а по-моему, лучший способ поздравить себя с юбилеем — сделать что-то, чего еще никто не делал».

Потом он добавляет, что иногда думает: не вечно же сочинять духи. Ему всего сорок пять, вся жизнь впереди. Может, однажды займется чем-нибудь другим, каким-нибудь ремеслом, еще более творческим. Он умеет многое, работы не боится, даже физической, не зря он учился когда-то классическому танцу — школа для людей с железным телом и железным терпением. Кем же вы станете? Может, стеклодувом? «Нет, — говорит Куркджян, — нет, с этим делом я точно не справлюсь».